

Юрий Боткин

Леший

Его врагам не позавидует
и карась на сковородке

Юрий Боткин

**Леший. Его врагам не позавидует
и карась на сковородке**

«Издательские решения»

Боткин Ю.

Леший. Его врагам не позавидует и карась на сковородке /
Ю. Боткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900080-4

Москва и таежная глушь, свобода и рабство, любовь и ненависть, война и борьба за выживание — много чего выпадает на долю крепкого русского парня. Боксер мастер спорта, снайпер-диверсант. Жизнь ломает его через колено, а он не прогибается, прет напролом. В нем есть внутренний стержень, позволяющий выжить там, где другие сгнули или превратились в бессловесных скотов. Врагам его не позавидует и карась на сковородке.

ISBN 978-5-44-900080-4

© Боткин Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1 Детство и юность	10
Глава 2 Апостол	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леший

Его врагам не позавидует и карась на сковородке

Юрий Боткин

*Когда мне хочется прочесть книгу, я ее пишу
(Бенджамин Дизраэли)*

© Юрий Боткин, 2017

ISBN 978-5-4490-0080-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В Иркутской области нет реки Миренга и города Миренск.

Все события и персонажи, описанные ниже, вымышлены.

Возможные совпадения с реалиями являются чисто случайными.

Повесть не представляет интереса для почитателей телешоу «Дом 2».

Пролог

*Был бы лес, будет и леший
(Русская поговорка)*

Хляби небесные разверзлись по самые некуда. Не иначе Господь «рамсы попутал»*, сотворив середину осени в начале июля. Дождь хлещет третий день и не видно конца мокрому небесному беспределу*.

Примечание: Если про бокс не слышал, в десанте не служил и «по фене не ботаешь», можешь каждый раз, встретив символ «», заглядывать в Комментарии. А лучшие прочитай их пару раз.*

По хорошей погоде ходу с объекта* до зоны* полчаса, по сегодняшней – футбольного тайма не хватит. Колонна плетется молча, угрюмо, тут не до светской беседы. Нет-нет помянет в сердцах чью-то мать, поскользнувшийся на «сибирском асфальте» зэк, и опять унылое чваканье сотен чумазных ботинок.

Разок порадовал людей и служивых бравый старлей, начальник конвоя. Этот двухметровый сухостой, бодро шагавший во главе колонны, вдруг, как корова на льду, взбрыкнув «копытами», смачно приземлился на пятую точку. Кто-то из зэков съязвил: «Чуть не упал». Двухсотголовая многоножка взорвалась. Спецконтингент ржал в открытую и во все горло, солдатухи по-тихому, в капюшоны накидок. От души смеялись счастливики, воочию лицезревшие афронт старшого и еще громче, прозевавшие представление.

Вопросам о самочувствии уважаемого начальника не было конца, а добрых пожеланий хватило бы на пару юбилеев Папы Римского. Отвели невольники душу, и уже не так скверно – смену отпахали, до звонка на один день меньше, впереди теплый барак, ужин, свое время. Пошли веселее.

Не смеялись двое – старлей, обтиравший пучком травы перемазанные портки, и высокий хмурый зэк, отрешенно шагавший мимо. Начкару хватило ума не лезть в бутылку. Да и мыслями он был далеко отсюда – на пару с разбитной соседкой самозабвенно, в поте лица, мастырил свежие побеги к ветвистым рогам начальника седьмого отряда, майора Швухова, застывшего на сутки дежурным по ИТК*.

О грядущем ударе судьбы ретивый Казанова не подозревал. Ничто не сулило беды, однако «Аннушка уже купила подсолнечное масло и не только купила, но даже и разлила». Про чужих баб лихому ходоку придется на время забыть. В сценарии надвигающегося катаклизма старший лейтенант значился магистральным громоотводом. Завидный рост и отсутствие надежной «крыши» должным образом тому соответствовали.

Перед самой зоной поперек пути текла небольшая, по здешним меркам, речка. Народ не знал ее географического названия. Еще в ГУЛАГовские времена какой-то сиделец из образованных прозвал ее Рубиконом, так и повелось. Для них это действительно был Рубикон – реальный, осязаемый рубеж, между треклятой зоной и вожделенной свободой. Перейти его без конвоя была и есть мечта многих тысяч бывших и нынешних каторжан.

До звонка Лехе осталось три дня, один месяц и десять лет. Для молодых такой срок сопоставим с вечностью, для стариков равнозначен пожизненному. Лехе осенью стукнет двадцать девять.

Вчера его жизнь вновь разделилась на «до и после». Если два года назад между этими временными границами образовалась пропасть в 12 лет строгого режима, пропасть чудовищных, но все же ограниченных размеров, то вчера разверзлась бездна, поглотившая напрочь былое «до», не оставив ни малейших надежд на призрачное «после».

Позади ничего кроме боли, а будущее, потеряв иной смысл, заиклилось на первоидее – найти ублюдков и загасить. Теперь живет только этим, в каждой клетке притаилась жажда мести. Готов подписать контракт хоть с богом, хоть с дьяволом – убить и умереть.

Размеры Рубикона обычно так себе, не больше Клязьмы, но сегодня его уровень поднялся метра на полтора. Некогда прозрачная, лениво текущая водичка, через которую отчетливо просматривалось песчано-каменистое дно, ныне превратилась в стремительный мутный поток, несущий на себе все, что доселе валялось по берегам.

Колонна неторопливо втягивалась на мост, сработанный еще сталинскими зэками. Деревянный семидесятилетний старожил зоны хотя и потемнел от времени, но скорее заматерел, чем состарился. Причина тому сибирское чудо – лиственница. В огне горит, в воде тонет, зато веками не гниет. По ее милости мост и сегодня без скрипа и треска выдерживает полноприводные КАМАЗы-автозаки, не говоря уже о «Газелях» и хозяйских* «японках». За свой авторитетный срок мост врос в ущелье, крепко вцепившись толстенными опорами в берега и дно реки. Пережив плеяду генсеков-коммунистов, переживет, не крякнув, десяток-другой президентов-демократов.

Утром, по дороге на объект, Леха приметил – коряга, вынырнув из-под моста, скрылась за поворотом реки менее чем за минуту. Ему и надо аккуратно за тот самый поворот, где маячила свобода... свобода мстить.

Алексей идет правофланговым в двух метрах от перил. Ближайший конвоир топает в пяти шагах позади. Капюшон закрывает верхнюю часть лица, значит видит он только Лехины ноги, а может и того меньше. Автомат висит на груди под накидкой, направлен, как положено, в сторону колонны.

До намеченного репера*, столбика перил с заметной дыркой от сучка, осталось метров пятнадцать. Сразу за ним надо прыгать. В былые времена, занимаясь дайвингом, Леха сиживал под водой поболее двух минут. Сейчас достаточно и половины того. За минуту течение унесет его за поворот, как ту утреннюю корягу-наводчицу.

Надо признать, шансы фифти-фифти. Вся надежда на внезапность. Пока военный очухается, снимет автомат с предохранителя и перегнется через перила, надо сгинуть в мутной круговерти. Не успеешь – хана.

Принялся часто и глубоко дышать, вентилируя легкие, обогащая кровь кислородом. Подходя к реперу, почувствовал легкое головокружение от его переизбытка. С трудом дотерпел до точки невозврата. Два прыжка, толчок правой и перелетел через перила, слегка коснувшись рукой. На миг ощутил знакомое состояние невесомости, и... бултых.

До дна не достал, течение подхватило и понесло. Воздушные пузыри в робе упрямо толкали вверх, под выстрелы конвоя, но полведра щебня, напиханные за пазуху, делали свое дело – тянули вниз. Наверху творилось что-то невообразимое – шлепало, бурлило, чавкало – длинные очереди из нескольких «калашей»* в бессильной злобе месили поверхность Рубикона.

Теперь главное не суетиться, не делать лишних движений и не пытаться плыть. Плавание в раскорячившейся робе и тяжелых ботинках, действующих подобно якорям, не даст заметного ускорения, а только израсходует запас кислорода. Плыть надо в потоке, даже не плыть, а «бегемотить», неспешно перебирая по дну руками и ногами. Такой стиль Леха заранее не продумывал, все получилось само собой.

Вода холодная. Сколько в ней градусов – шут ее знает. Оно и к лучшему – реже сердцебиение, меньше расход кислорода, дальше от моста вынырнет, а замерзнуть все равно не успеет.

Роба намокла, воздух из-под нее вышел, начало волочить по дну. Леха освободил подол рубахи, вытряхнул половину камней. Плаучесть приблизилась к нулевой, оставаясь все же отрицательной. Для подъема на поверхность нужно приложить усилие, но этого пока не требовалось.

Кислорода в крови еще хватало, когда поток стал заметно поворачивать налево. Пора и ему перемещаться со стрежня к левому берегу – больше шансов остаться незамеченным при всплытии. Дно плавно поднималось, глубина уже не более полутора метров, а удушье невыносимо. Терпел до последнего, потом еще немного, потом еще чуть-чуть, и, наконец, вынырнул. Одновременно с глотком живительного воздуха, оглянулся назад – ни моста, ни колонны, ни стрельбы, только слабый, приглушенный расстоянием и водой в ушах, неразборчивый мат-перемат конвоя и лай собак.

Теперь можно держаться на поверхности. Главное – скорее одолеть перекат, где его, несомненно, попытаются перехватить. Дальше они на катере не пройдут.

Про перекат знал понаслышке. Полгода назад, случайно, из разговора двух вертухаев уразумел: «До переката чуть более двух километров, там берет приличный хариус, но этот гребаный перекат нельзя пройти на катере, и надо два часа переть пешком до впадения Рубикона в Витим, где не только хариус, но и таймень попадается».

У переката они останутся, начнут разглядывать реку, берега и репу чесать – утоп ээк или сбежал? По расчетам Алексея погоня будет там минут через пятнадцать после его рывка. Пока конвой настреляется и наматерится, пока по радиации свяжутся с караулом, пока соберут группу и дождутся проводника с собакой, пока добегут до причала, погрузятся, заведут и отчалият – пройдет никак не менее 10 минут, и еще пять минут хода на катере.

А ему до переката осталось всего ничего. Река стала шире, течение замедлилось, но глубина еще приличная. Вскоре, через пелену дождя, различил множество торчащих из воды разнокалиберных валунов. Ноги коснулись дна, Леха пошел, а потом и вовсе пополз на карачках. Вылез на отмель, протиснулся между двух каменюк, и дно резко ушло вниз. Снова поплыл.

Взглянул на часы – противоударный и водонепроницаемый «Полет» – подарок отца к двадцатилетию. В общей сложности, включая подводную стадию, заплыв длится около пяти минут. До появления «янычар» остается минут десять, может больше, но это без гарантии. За десять минут надо исчезнуть, иначе...

Точного плана действий на данном этапе не было. Вариантов два – плыть дальше или выйти на берег. Априори эту задачу не решить, предстоит оценить ситуацию на месте. Впереди, насколько мог видеть, прямой участок реки. Берега голые – ни деревца, ни кустика. Течение не очень. За десять минут проплывет еще полкилометра, может чуть больше. При таком дожде с переката не должны заметить. Но если дождь стихнет, или, чем черт не шутит, – переволокут катер через отмель – вот тебе и звиздец.

Выход один – берегом. На этот случай припасена домашняя заготовка – высаживаться не на правый берег с последующим марш-броском на юг, подальше от зоны, поближе к железке* и людям, а на левый, и рвать «в обратку» мимо зоны на север, холодный и голодный – полный дурдом. Лягавые так и подумают, они же не идиоты.

Справа к реке примыкает неширокий распадок с пологими склонами, поросший снизу кустарником, повыше – лесом. Идиллия, да и только, но именно туда он не пойдет, эту дорогу он уступает гончим. Левый берег каменистый обрывистый, высотой с девятиэтажку, сюда умный не сунется, эта дорога для чумовых – как раз «то, что доктор прописал».

Откос одолел на одном дыхании. Выбрался на пологий склон, густо заросший боярышником вперемежку с ельником и сосняком. Мелькнула мысль – залечь и понаблюдать за развитием событий, благо позиция изумительная. Но время дорого, рвать когти надо так, чтобы «янычары», даже если смекнут что к чему, не смогли усидеть на хвосте. Леха не сомневался – в беге по пересеченной местности даст фору и сосункам срочной службы, и матерым контрактникам. Тем паче их стимул – внеочередные звания, отпуска и премии, ничто против его интереса – свобода и месть.

Кустарник постепенно перешел в сосновый бор, бежать легче. В такт бегу, машинально напевал: «хо-ро-шо-жи-вет-на-све-те-вин-ни-пух... от-то-го-по-ет-он-эту-пес-ню-вслух». Так

делал молодой лейтенант в старом фильме о десанниках. Песенка засела в подсознание с детства, а когда сам попал в «Войска Дяди Васи»* – принял ее на вооружение.

Марш-бросок продолжался около часа. Леха согрелся, в ботинках перестало чавкать, но мокрая роба доставала все сильнее и сильнее. Учитывая рельеф местности, отмахал немало, километров десять-двенадцать. Зона осталась далеко позади. Как говорят в армии: «можно перекурить и оправиться».

Ненужный теперь дождь то затихал, то лил как из ведра. Среди многочисленных сосен и лиственниц попадались ели-великаны, под которыми было относительно сухо. Одну из елок выбрал для привала. Разоблачился «до лысого», отжал одежду и вновь оделся. Провел ревизию имущества – часы, нож, зажигалка, накомарник, рабочие рукавицы, три гвоздя, пайка хлеба, и горсть соли. Хлеб и соль слегка промокли. Нашла-таки вода дырочку в, казалось бы, целых полиэтиленовых пакетах. Усмехнулся, вспомнив тюремный анекдот:

«Двое заключенных смотрят в зарешеченное окно.

Один не выдерживает и говорит, тяжело вздохнув:

Бедный Вася! Выйти из тюрьмы в такую погоду!»

Винтить сегодня решил спонтанно, без должной подготовки. Увидел утром плывущую корягу и понял – такой благодати больше не будет. Тут тебе и течение отменное – можно далеко нырнуть, и вода мутная – от конвоя скроет, и глубина приличная – пули не достанут, и дождь хороший – собачки след не возьмут.

Собирался на скорую руку, потому пожитки такие скудные. Не просто будет с эдаким приданым отмахать тайгой полтыщи верст. А он отмахает, будь спок! Если надо, и тыщу отмахает! Лес для Лешего – дом родной! Смотрящий* как в воду глядел, давая Лехе это погоняло*.

Прицепил нож к поясу, остальное распахал по карманам и вперед. До темна еще часа четыре, использовать их надо по полной...

Глава 1 Детство и юность

*Спасибо вам святители, что плюнули, да дунули,
Что вдруг мои родители зачать меня задумали,
(В. Высоцкий)*

Он был вторым, изрядно припозднившимся, ребенком в семье. Отец в ту пору доживал пятый десяток, мать – четвертый, сестра заканчивала школу. Год его рождения ознаменовался эскалацией войны в Афганистане, бойкотом Московской олимпиады и смертью Высоцкого.

Владимир Алексеевич Павлов, следуя семейной традиции, назвал сына в честь деда – Алексея Владимировича – известного биолога, репрессированного в 39-ом и сгинувшего в ГУЛАГе.

В те, не столь далекие, времена, по ходу именуемые Развитым социализмом, а потом Застоем, Павлов-старший – доктор наук, профессор, лауреат, заслуженный деятель и т. д. и т. п., заведовал кафедрой в Московском Лесотехническом институте, находящимся как раз не в Москве, а в славном городе Мытищах, известных на весь мир по «Чаепитию» Василия Перова. Мать, Ольга Николаевна, преподавала там же, стоя в институтской иерархии, как и положено, на пару ступенек ниже своего мужа.

Первые семь лет жизни прошли под неусыпным присмотром бабушки, одновременно исполнявшей обязанности тещи. После ее безвременной кончины мать оставила работу и всю себя посвятила сыну. Старшая сестра к тому времени окончила семейный институт, вышла замуж и жила неподалеку, в городе Балашихе.

Как всякого последыша, маленького Алешу любили и баловали. Он отвечал взаимностью. Бабушку и сестру любил, мать обожал, отца боготворил. Большой, сильный, всезнающий баянька был его кумиром. Ну что возьмешь с мамы, бабушки, сестры – сказки, мультики, куличи в песочнице и прогулки за ручку. А с папкой – лыжи, коньки, футбол, хоккей и велосипед, луки, стрелы, сабли, строительство скворечников и кормушек для птиц, пешие и верховые (на отцовской шее) походы за грибами, ягодами и на рыбалку, с привалами и кострами. А чего стоит обед, где-нибудь на лесной полянке. Приевшиеся дома мамкины котлеты здесь шли «на ура». К тому же папа никогда не говорил: «отстань, некогда, надо мыть, стирать, готовить...». К пяти годам Алеша знал все виды деревьев и кустарников в своем лесу. Безошибочно отличал мухомор от подосиновика, скворца от зяблика, плотву от окуня.

«Зимовали» Павловы в просторной четырехкомнатной квартире в «сталинке», рядом с университетом. Теплое время года безвылазно проводили в бабушкином доме на берегу Пироговского водохранилища.

То погожее июньское утро запомнилось семилетнему Алеше, и подняло отцовский авторитет на недостижимую высоту, хотя рыбалка и не удалась. У отца и сына было любимое местечко в уютном заливчике неподалеку от дачи. Расположились, как всегда, в тени развесистой ивы. Размотали снасти. Сын владел современной телескопической удочкой, отец пользовался любимой, хотя и старомодной, бамбуковой трехколенкой.

Их было трое – два молодца и девица. Парни выглядели типичными представителями хозяев новой жизни. Стриженные головы крепко сидели на бычьих шеях. Широкие штаны, черные кожаные куртки и золотые цепи свидетельствовали о принадлежности их принципалов к элите общества. Мерно жующие челюсти – об американском образе жизни.

Девица в протертых до дыр джинсах, раскрашенная так, что о ее внешности можно было только догадываться, небрежно держала на плече дорожный японский магнитофон, вещавший голосом, оплеванного властью, народного барда:

«Всего лишь час до самых главных дел:

Кому – до ордена, ну, а кому – до «вышки».

Из баулов, в руках мужской фракции пришельцев, торчало многообразие винно-водочных бутылок, шампуры и другие принадлежности культурного досуга. Оглядев поляну, мельком задержав взгляд на рыболовах, предводитель камарильи, нагловатого вида бычок с кольцом почему-то не в носу, а в ухе, удовлетворенно заметил: «годится». Освободившись от сумок, молодцы направились к рыбакам. Предводитель, глядя куда-то мимо, повелительно произнес: «Эй ты, плесень, сматывай удочки. Даю три минуты. Потом штрафные санкции».

Отец погладил Алешу по голове, встал, отсоединил нижнюю секцию удилица – метровую бамбуковую палку с медной трубочкой на конце – и, опираясь на нее, подошел к разглядывающим окрестности, мирно жующим дядькам. Что он сказал, Алеша не слышал, но понял – папа их поругал.

Предводитель скорчив ужасную рожу, замахнулся на отца растопыренной пятерней. Мальчик испугался и зажмурился. Когда открыл глаза, увидел папу стоящего на том же месте и плохих дядек, ковырявшихся возле него. Один дядька лежал на боку, поджав колени, беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот. Второй, стоя на карачках, вытирал разбитый нос и ругался словами нехорошими и малопонятными: «... порву падла, ... козел долбаный». Папа подошел сзади и легонько стукнул ногой туда, где у мальчиков есть нечто, чего нет у девочек. Дядька взвыл, потом заскулил, но ругаться перестал. В наступившей тишине, из магнитофона в руках ошалевшей девицы, Высоцкий советовал:

*«И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!»*

Полежав и отдохнув, пришельцы молча удалились. Ловить рыбу почему-то расхотелось. Собрались и пошли домой. Войдя в калитку, отец произнес: «мамке не говори», и заговорщицки подмигнул. Алеша расплылся в улыбке – у них всегда была какая-нибудь тайна, а эта будет самая-самая, почище гнезда мухоловки с птенчиками.

Позже узнал – отец не всегда был профессором. На рубеже сороковых и пятидесятых под строевую:

*«Чекисты мы, нам Родина доверила.
Всегда беречь родной советский дом.
Вперед, за Сталиным ведет нас Берия,
Мы к зорям будущим уверенно идем»*

сержант Павлов четыре года лихо маршировал по плацу в составе разведроты полка специального назначения МВД СССР, а между строевыми смотрами гонял бандеровские банды по лесам Западной Украины. За те годы на практике освоил приемы русского рукопашного боя, и, даже сорок лет спусти, владел ими не хуже, чем либераллисимум (заслуженный сын юриста) – словоблудием. В ближнем бою простая палка в его руках была оружием таким же грозным, как верный и безотказный СКС – самозарядный карабин Симонова.

Случай на рыбалке имел продолжение. Недели через две на ту же поляну вышли четверо. Двое старых знакомых, в кожанках, и двое новых, в спортивных костюмах. Один из новеньких, высокий крепкий малый, небрежно помахивал милицейским демократизатором*. Отец проделал знакомую операцию с удочкой и, держа палку двумя руками перед собой, двинулся было навстречу, но остановился, опустил оружие. Шедший впереди здоровяк, будто споткнувшись, притормозил. Смущенно улыбнулся, спрятал дубинку за спину, вежливо поздоровался:

– Здравствуйте Владимир Алексеевич.

– Здравствуй Витя, давно тебя не видел, чем занимаешься?

В этот раз плохим дядькам опять не повезло. Их били вдвоем, чинно и благородно, – немного дубинкой и чуть-чуть ногами. А Витя через пять лет привел Алешу в боксерский клуб и навсегда остался его личным тренером, даже когда бросил тренерскую работу и организовал свой ЧОП*.

На шестидесятилетний юбилей армейский друг, дядя Гена из Пятигорска, подарил отцу палку для хромых. Тяжелую, из самшита, инкрустированную серебром. На недоуменный вопрос сына Павлов-старший ответил: «Не буду же я с удочкой по городу ходить». Веселые были времена!

В школу Леша пошел в эпоху Развитого социализма, а закончил при Диком капитализме, в который этот самый социализм и перестроился, вместо того, чтобы в полном соответствии с наукой, уступить место долгожданному и неизбежному Коммунизму. Данный исторический курьез наглядно подтвердил тезис репрессированного деда – «Все науки, не относящиеся к естественным, таковыми не являются». Именно за это неосторожное высказывание в адрес гуманитарных и социальных наук, среди которых особое положение занимал Марксизм-Ленинизм-Сталинизм, он был отстранен, разоблачен, обвинен, осужден и посажен.

Школьные годы пролетели быстро и безмятежно. Профессорское положение отца прикрывало семью от невзгод эпохи первичного накопления капитала и широкомасштабного разворовывания страны. Алексей учился без особого рвения, но и не балбесничал. В 11 лет, с Витиной подачи, увлекся боксом и, к окончанию школы, выполнил норматив кандидата в мастера спорта, заняв второе место в юниорском чемпионате Московской области.

Куда идти после школы, Алексею было на роду написано – Московский государственный университет леса – так с некоторых пор стала называться их семейная *alma mater*. Высокий, стройный, спортивный студент пользовался заслуженным авторитетом в молодежной среде университета, и не только благодаря заслугам отца-профессора. Его коронный правый хук* внушал не меньшее уважение.

Был ли Леха красив? Это как посмотреть. А как ни смотри – не Ален Делон! Внешность изрядно славянская с едва различимыми признаками народов, причастных к формированию русской нации. Грубовато-мужественное, резко очерченное, чуть скуластое лицо с крепким подбородком и слегка «боксерским носом», хоть не сияло голливудской брутальностью, тем не менее, вызывало уважение мужчин и, как ни странно, привлекало женщин. Даже блондинки, писающие кипятком от пидерсионного великолепия эстрадных поп-звездунгов, бросали на него заинтересованно-призывные взгляды.

Учился легко, алкоголем и наркотой не баловался. У девочек пользовался неизменным успехом, но не увлекался – бокс занимал все свободное время. На первом курсе последний раз выступил по юниорам, победил в чемпионате области, и заработал мастера спорта.

Через год перешел в полутяж. При росте 185 и постоянном наращивании мышечной массы, оставаться в среднем весе стало не вмоготу. Первый же официальный бой в новой весовой категории стал последним в Лехиной спортивной карьере. Во втором раунде пропустил сильнейший кросс*. На ногах устоял, но тренер-секундант Витя, почуввав неладное, выбросил полотенце.

Отец, доселе поощрявший увлечение сына, в этот раз категорически заявил: «Голова не для того, чтобы по ней лупили кому ни лень. Грушу хоть целый день околачивай, а выступать прекращай». Так и поступил. Тренировался, проводил спарринги, но в соревнованиях больше не участвовал.

На третьем курсе увлекся дайвингом и подводной археологией. Сманил однокурсник и друг детства Стас Шпрыков. Небольшого росточка, на вид – мухи не обидит и без проблем пройдет фейсконтроль в женскую баню. Но не дай бог с ним схлестнуться... Этот розовощекий недомерок с голубыми глазками на ангельском личике виртуозно владел не только половым членом, но и более поздним приобретением человечества – мозгами.

Доцент Кривуля – слуга жене, палач студентам, не ведая об этом, жестоко поплатился, влепив Стасу зряшный неуд по таксации леса. На следующей неделе в газете «Из рук в руки», появилось объявление: «Продам, сдам в аренду жену, б/у, недорого» и домашний телефон доцента. Ажиотажного спроса лежалый товар не вызвал, но и не затерялся на просторах стремительно развивавшегося рынка секон хенда. Жена доцента, роскошная двуспальная домохозяйка южнорусской породы, ежедневно принимала десятки звонков, интересовавшихся возрастом, габаритами, экстерьером, уровнем общего и сексуального образования, процентом амортизации, ценой за кило и другими атрибутами товара не первой свежести. Большинство звонков исходило от язвительного Стаса и его наемников, но и реальные покупатели, а все больше арендаторы, тоже попадались.

Марья Ивановна, так величали миссис Кривулю, по первости огрызалась, потом втянулась. Проявив незаурядные маркетинговые способности, кокетничала, шутила, набивала цену. В меру сексуально озабоченной Маньке, заплесневевшей от скуки однообразной жизни, льстило повышенное внимание особой противоположного пола. В пучине ее дремлющего чрева возникло приятное, томно сосущее чувство, нетерпеливо ерзающее в поисках выхода. Отдушина обнаружилась недалеко от эпицентра, после чего стало совсем невтерпеж. Постыло-монотонный секс в исполнении ученого мужа, не только не приносил удовлетворение, а все больше раздражал новоявленную «Эммануэль». Как результат – прошла несколько кастингов с наиболее настойчивыми арендаторами и прямо расцвела.

Доцент лицезрел перемены, творящиеся с его половиной, но оставался в неведении относительно причин их породивших, пока однажды вечером не узрел в зеркале пару небольших рожек на своей лысой головушке. Рукой они не прощупывались, и при дневном свете становились невидимы, тем не менее, наводили на нехорошие мысли... Стас получил должную сатисфакцию.

Дно родного Пироговского и соседнего Учинского водохранилищ друзья облазили вдоль и поперек. С увлечением исследовали затопленные в 37-ом деревеньки. Отец подал идею – разыскать могилу прадеда на церковном погосте затопленного села Курово. В его детских воспоминаниях сохранился памятник из черного камня с такими же, как у него фамилией, именем, отчеством.

Задача оказалась не из простых. Коммуняки не только взорвали церковь, но добросовестно проутюжили бульдозером развалины и прилегающую территорию. Попробуй, найди поваленный памятник на площади в два футбольных поля среди сплошных обломков под толстым слоем ила. На второй год, после весеннего водосброса, смывшего часть ила, дела пошли веселее. Раскопали двухметровый чугунный крест, некогда украшавший храм божий. Хотели поднять, но передумали – уложили в центре разрушенного подводного некрополя – здесь будет целее. Дедов памятник так и не нашли, хотя могильных плит откопали немало. Среди них попадались весьма интересные экземпляры. Врезалась в память «оптимистическая» эпитафия на гранитном надгробии купца второй гильдии, почившего в бозе два века назад: «Я был как ты, ты будешь как я». Остаток того дня впечатленные друзья провели за бутылкой «Шардоне», рассуждая о бренности жизни...

Леха еще писал дипломную работу, на тему «Сохранение и восстановление древесной растительности в Московской области», а военные чины его всю «женили». «Сватов» было двое: майор ВДВ и подполковник морпех. Каждый из них мечтал заполучить в свои войска боксера, мастера спорта, да еще с высшим образованием в придачу. Подобных призывников в районе, да что там в районе, в области, – раз, два и обчелся. Новобранец в последние годы пошел какой-то занюханный, как умственно, так и физически. Все богатые и умные косили от армии по-черному. Таких как Леха вели по особым спискам и сражались за них только элитные войска. Вне конкуренции шел Президентский полк, куда Леха не стодился по росту

и образованию – длинноват и шибко грамотен. Почему победили Войска Дяди Васи, знали только военком и майор-десантник. Морпех догадывался и жаждал реванша.

Защита диплома состоялась в середине июня, а через две недели Леха хлебал щи в полку спецназа ВДВ. Такому ускоренному призыву нисколько не огорчился, наоборот, обрадовался возможности поскорее отдать Родине воинский долг, по принципу: «раньше сядешь – раньше выйдешь». Болтаться до осени оно ни туда, ни сюда, а дембель на полгода раньше, это тебе не хухры-мухры. О том, что идет в десант сказали в военкомате, а в снайперскую школу сам напросился.

Поражение в Первой Чеченской заставило российский генералитет включить мозги. Шевелить извилинами, большинство из которых выпрямилось и закоммутировалось на прямую кишку, дело не простое. Поэтому получалось не все и не сразу.

Изрядно забытому снайперскому делу теперь учили. Учили где как. Лехин инструктор вкладывал курсантам по полной. Сорокалетнего прапорщика Василия Шураева, все, от командира полка до желторотого новобранца, почтительно величали «Шурави». Прошедший Афган и Чечню, на первый взгляд суровый и беспощадный диктатор, на деле оказался заботливым ментором, делавшим все, чтобы его воспитанники вышли живыми из предстоящих передраг. Шурави по-братски делился с питомцами не книжными премудростями, а личным боевым опытом, оплаченным собственной кровью и шкурой, дважды попорченной. Три ряда орденских планок на груди прапора говорили за то, что в долгу он не остался.

Стрелять тоже учили, но не только и не столько. Выстрел в снайперском деле, это как точка в предложении, даже не точка, а запятая – после выстрела надо еще постараться самому не «зажмуриться». Кроме «пострелять» учили выбору и оборудованию огневой позиции, маскировке, ведению наблюдения, ориентированию на местности, рукопашному бою, марш-броскам, выживанию в критических ситуациях, взаимодействию с группой поддержки и многому другому, вплоть до «как пописать на позиции». А стрельба... ну что стрельба, учили как надо, но без прицела на олимпийские игры. Какая разница, всадил пулю точно промеж глаз супостата, или ближе к правому, чем к левому.

Полгода в снайперской учебке пролетели как один день. Командировка на Кавказ скоротала оставшиеся шесть месяцев. Дожливым вечером начала июля «дембель» Павлов позвонил в дверь своей квартиры...

Глава 2 Апостол

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ельцин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Путин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.*

Один из вариантов второго куплета Гимна России. Почему Сергей Михалков прошел мимо такой редакции? Вполне в его стиле и переделка текста от 1943-го года минимальная. Однако не будем отчаиваться, еще не вечер. Не перевелись у нас поэты, есть еще у них порох между ягодицами.

Снайпер-диверсант спецназа ВДВ, старший сержант, кавалер ордена мужества, растерянно стоял посреди комнаты в объятиях рыдающей матери, за год постаревшей лет на десять. Отец, улыбаясь, смотрел на сына с фотографии в траурной рамке. Сколько всего спрессовалось за истекший год...

Вступая в новое тысячелетие, Россия с трудом выходила из вселенского запоя, учрежденного разгульным Похмельем. Десятилетний хмельной угар, под шуршание воровской приватизации, превратил былую супердержаву в сырьевой придаток успешно загнивающего капиталистического мира. Что не удалось гидре империализма, исполнил Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с подручными членами.

Орды чинуш, воспитанные семидесятилетием лжи и лицемерия псевдокоммунистической власти, в августе 91-го наперегонки, как в сортир при поносе, кинулись сдавать партбилеты. Победители гонок сомкнулись крепкими рядами вокруг государственной кормушки. Вооружившись девизом «Все вокруг народное, все вокруг мое» тащили и на себя, и под себя, чтобы хватило и детям, и внукам, и правнукам, естественно своим, не народным. Проигравшие, сбившись в оппозиционные ватаги, покусывая власть предрержащих, устроили междоусобную грызню за объедки с барского стола.

«Непоколебимые» атеисты, еще вчера во всю ивановскую славословившие КПСС, нежданно-негаданно сподобились Божией благодати. Новоявленные рабы божьи, окрещенные в народе «подсвешниками», в погоне за земной благодатью, лицемерно-благочинно стоят службу, натренировано осеняют себя крестным знаменем. Вызывает недоумение беспринципность Всевышнего. Неужто господь в толк не возьмет – случись завтра подует ветер в другую сторону – кинутся иконы жечь, храмы взрывать, иерархам бороды драть, проклинать средневековое мракобесие.

Но все же Россия не Люксембург, не Сранция, и не Хрен голландский – умеет опохмеляться. Появились новые лица. Понятно дело не Столыпины, с заметным душком Ельцинизма-Гайдаризма, однако менее паскудные – с мозгами в стране не урожай.

Волга ГАЗ 24 – вожденная и неосуществимая мечта большинства рядовых строителей коммунизма. Проблема не только финансовая, хотя десять тысяч по тем временам деньги не малые. Вышесреднему инженеру пять лет пахать, при условии что, кормить, поить, одевать, обувать и оплачивать девочек будут родители или жена с тещей.

А реально – копить лет двадцать, отказывая себе в самом необходимом, если не в харчах, то в одежде точно – одно пальтишко на десять лет, а шубу жене аккурат на золотую свадьбу. Не говоря уже про мебель, холодильник и телевизор, которые приобретались раз в жизни. Что касается ресторанов, курортов, путешествий это всегда пожалуйста – в телевизоре, как

правило, в черно-белом. Посмотришь этак Клуб кинопутешествий с Юрием Сенкевичем, или одиссею Жака Кусто и вот тебя уже овеивает утренний бриз Тихого океана, а во рту стойкое послевкусие ананаса, который ни разу не пробовал.

Ну ладно набрал денег, теперь попробуй купи эту Волгу. Машины в стране развитого социализма в магазинах не продавались, они распределялись. Распределялись в соответствии с принципами социалистической справедливости. Вначале секретарям обкомов и горкомов КПСС, потом членам обкомов и горкомов, потом директорам крупных предприятий и академикам, потом генералам помельче. Для симуляции справедливости кое-что перепало знатым шахтерам и свинопасам.

Отец Лехи, профессор (читай генерал), имел право на получение Волги раз в жизни, чем и воспользовался. Машина была старше Лехи. Легенда советского автопрома сегодня воспринималась окружающими не иначе как ржавое ведро с гайками. По сути, оно так и было.

Середина июля, макушка лета, послеобеденная жара, водяные миражи на горячем асфальте. Леха, гуляющий вторую неделю дембеля, неторопливо катит по Пироговскому шоссе в сторону дачи. Да и куда спешить – резина лысая, рулевая болтается, стабилизаторы стучат. Обещал матери привезти, всякие разные харчи и сахар на варенье. Она с конца апреля жила на даче. Это для Лехи дача, а для нее дом родной. Дом, где родилась, росла, лазила по деревьям, откуда первый раз пошла на свидание.

Сейчас у матери гостит сестра с мужем-ушлепком и двумя сыновьями-оболтусами. Леха не любил зятя – до безобразия опрятный, всегда свежестриженный, с усиками волосинка к волосинке, отутюженный, вежливый, жирный, лысый, с безвольной влажной ладошкой – скользкий и гнусный тип. А профессия – бухгалтер. Хоть и главный, но бухгалтер. Этим все сказано. Племянники под стать папаше – рыхлые, пузатенькие увальни пятнадцати и шестнадцати лет. Куда подевались крепкие, многовековые гены Павловых? Или по женской линии они не передаются?

Слева, тихо шелестя широкими, как лапы породистого кобеля, шинами, продефилировал крутой «мерин». Леха не шибко понимал в моделях мерседесов, но этот был крутой, к бабке не ходи. Следом на бешеной скорости просвистел бандитского вида «бумер», точь в точь, как в нашумевшем фильме. «Бандит» пронесся так близко, что разболтанную Волгу воздушной волной резко бросило на обочину. Чертыхнувшись, вернулся на трассу. Живут же люди.

Там, где на асфальте мерещились лужи, «бумер» догнал «мерина», притормозил, покати́л рядом. В окошко высунулась рука, блеснуло что то, похожее на пистолет, скорее всего револьвер. Рука два раза дернулась, едва различимые хлопки и «бумер» рванул...

Мерседес, проехав метров десять по прямой, перемахнул кювет, выполнил полдюжины кульбитов и замер на крыше в придорожных кустах.

Леха затормозил напротив «мерина», беспомощно крутящего передними колесами. На ум пришла ассоциация с выброшенной на берег, разевающей рот рыбой.

Все двери нараспашку. Водитель вывалился из машины. Вместо правой половины черепа кровавое месиво. Этот уже на небесах, а может в преисподней. Пассажир, скрючившись, висит на ремнях в обнимку с подушкой безопасности.

В подобные ситуации Леха попадал на войне, что можно и что нельзя знал. Главное сопли не жевать – действовать! Действовать быстро! Приподняв пассажира за брючной ремень, отстегнул ремень безопасности. Подушка уже изрядно сдулась и не помешала вытащить бедолагу. Только теперь заметил быстрорастущее кровавое пятно на левом боку. Как учили, нащупал под челюстью рядом с кадыком сонную артерию. Пульс оказался, где положено и внятно прощупывался...

Ураганом влетел в приемный покой. Зашикавшей на него молодящейся симпатичной медсестре выпалил:

– У меня «трехсотый», огнестрел в грудь, без сознания.

«Симпатичная» кому-то позвонила. Через минуту нарисовалась пара санитаров с носилками-каталкой в сопровождении маленького, плюгавенького мужичка, как оказалось впоследствии, хирурга высшей квалификации. Раненного профессионально перегрузили на носилки, вкатили в приемную.

У мужичка, откуда ни возьмись, появился в руке скальпель. Уверенным движением, не обращая внимания на наличие пуговиц, вспорол рубаху от ворота до подола. В боку под сердцем кровило пулевое отверстие. Мужичок, проявив незаурядную сноровку, щупал, стучал, слушал, вздыхал, крикал, чесал затылок. На секунду застыл в позе роденовского Мыслителя и отскочил к телефону.

И тут явилась она «Как мимолетное виденье...». Если бы поэт ее увидел, не то, что стихи писать – буквы бы забыл. Бросив уверенно-неприступный взгляд в сторону Лехи, склонилась над раненым, наложила жгут и принялась за капельницу. Процесс занял некоторое время, в течение которого невозможно было оторвать взгляд от декольте ее халатика. Покончив с капельницей, видение, победоносно хлопнув на Леху ресницами, двинулось, откуда пришло. Глядя ей вслед никак не мог сообразить, каким непостижимым образом халатик такой длины прикрывает то, что прикрывает.

Мужичок, брякнув напоследок, «готовьте операционную», подошел к Лехе. Бесцеремонно взял за пуговицу рубахи, покрутил туда-сюда, и, глядя прямо перед собой – чуть выше пояса визави, спросил:

– Вы больному кем приходитесь?

– Никем. Видел, как в него стреляли, и привез к Вам.

– Разрешите представиться, заведующий отделением хирургии Потапов Михаил Матвеевич,

Это не было тщеславием, это вошло в привычку Михаила Матвеевича – обозначить «кто есть ху». С юных лет собственный «экстерьер» был его главной проблемой. В 11-ом классе выглядел шестиклассником, получая красный диплом в 1-ом медицинском, не дотягивал до абитуриента. В двадцать лет отказывали в продаже водки и сигарет, поэтому всю жизнь не пил и не курил. С женщинами еще хуже – его просто не замечали. Первую, единственную и безответную любовь сохранил на всю жизнь.

– А Вас как звать-величать?

– Павлов Алексей Владимирович.

Мужичок впился немигающим взглядом в лицо собеседника:

– Батюшка Ваш Владимир Алексеевич? – Леха кивнул.

– Царствие ему небесное, – немного помолчав, добавил

– А ты вылитый отец, – и скороговоркой – Матушка, Ольга Николаевна, по добру ли, по здорову? Кланяйся. Запомни, от Миши Потапова.

Подошедшие санитары, в сопровождении другой медсестры, далеко не фотомодели, покатали раненного вглубь коридора. Леха поинтересовался его перспективами на жизнь.

– Жить будет. Повезло, важные потроха не задеты. Внутреннее кровотечение дело поправимое. Главное ты вовремя подсуетился. Еще полчасика и ... «со святыми упокой» – немного помявшись, добавил – Ты, Леша, оставь свои данные. Сам понимаешь, огнестрел. Понаедут «правоохранительные» органы, пытать начнут что, откуда, зачем, да почему. – Может старик оговорился, а может взаправду считал органы МВД «правоохранительными».

Присел к столу «молодящейся-симпатичной». Был бы годков на двадцать постарше – приударил. Переписывая данные с паспорта, «симпатичная» утвердительно-вопросительно поинтересовалась:

– Запал на Оксанку?!

Кто такая Оксанка уточнять не требовалось.

– С чего взяли?

– Все вы, кобели, молодые и старые, на нее стойку держите. Рот разинут, слюну пустят – тьфу. Будто она одна на белом свете – огладила выставленный на продажу бюст, потрогала прическу.

– А тебя она заметила. Я эту фифу насквозь вижу. Ишь ты, вертефлюха, пошла и задом не вильнула – в переводе: «плюнула в душу и глазом не моргнула».

Женская логика сродни теории относительности – не понятна, но убийственно красива.

Милую беседу прервало бесцеремонное: «Ты привез Апостола?»

Леха обернулся. Перед ним стоял пивной бочонок в форме капитана милиции, прикрытый фуражкой от Юдашкина, конфигурацией и габаритами с авианосец «Энтерпрайз». Чуть позади сержант с автоматом, ровесник Лехи. Подобного обращения не терпел и ответил своим любимым, безотказно опускающим любое хамло: «А ты кто будешь?»

Картина «нежданчик»: Леха, вальяжно откинувшийся на спинку стула, капитан, онемевший от неожиданной борзоты, сержант, давящийся от смеха. На втором плане медсестра, в предвкушении представления. Чутье подсказывало, повидала за двадцать лет.

Пересилив себя «бочонок» представился и перешел на «Вы»:

– Капитан ППС Соловьев...

Владимир Владимирович Соловьев седьмой год ходил в капитанах. Вожденная майорская звезда никак не желала свить гнездо на его погоне – «и вся любовь и сиськи набок». «Соловей», непременно кликуха всех мужиков с его фамилией, не знал, что это за «любовь» и как это можно «сиськи набок». Так выразился его покойный дед в августе 91-ого по случаю сдвнувшегося ГКЧП*.

Что хотел сказать отставной милицейский полковник, тогдашний обалдуй-курсант Московской высшей школы милиции не понял, да и сейчас не мог объяснить смысл дедовой фразы. Может, подразумевалась любовь народа к КПСС и сиськи, к которым присосалась партийная элита. Или просто вырвались наружу досада и разочарование несбывшихся надежд.

Прошлогодний «звездопад» по случаю ликвидации крупной мытищинской ОПГ* обошел капитана стороной. В «похвальном» приказе по управлению он попал в разряд «и другие сотрудники», получив общую на всех благодарность и грошовую премию.

И самое обидное «не то, что у тебя корова сдохла, а то, что у соседа жива осталась». Ленька Анисимов, бывший сослуживец, мало что на три года моложе, уже второй год майорствует в ОМОНе. Того гляди еще звезду оторвет. «Везет дуракам, пьяницам и ЦСКА», как любит выражаться тот же Ленька. Вот и повезло – посадили его группу в засаду у борделя на Юбилейной, а «Касатик» как раз туда и приперся, «шершавого погонять». Да не один – с парадной свитой. Ленька их повязал – тепленьких, потненьких. А более достойный прокуковал ночь в вонючем подвале напротив хазы* авторитета* – ни одной поклевки. Леньке досрочно майора, подполковничью должность и орден – вишь ли, бандюки ему плечо прострелили... Везет же дуракам!

Наконец фортуна и Вове улыбнулась. Нудное, ничем не примечательное дежурство уперлось в обед. Трапезничать, как водится, отправились в круглосуточное придорожное кафе на Пироговском шоссе.

Кафушка работала под ментовской крышей. Денежная мзда за крышевание целиком и полностью рассасывалась на верхних этажах УВД. Нижним чинам разрешалось пожрать на халяву раз в сутки, в количестве не более четырех рыл. Сегодня кафе было занаряжено дозору капитана Соловьева. Оный дозор, два сержанта-автоматчика и водила УАЗа, расположились, во главе с «гавнокомандующим», за столиком справа от входной двери.

Разомлевший от послеобеденного сна «человек» Керим, откликающийся также на кличку «Киря», брякнул об стол миску с пожухлой зеленью и черствым лавашом. Аншлаг в кафе

начинается с заходом солнца, всю ночь на ногах, только днем удастся покомарить, а тут халявщики приперлись.

Кирия приходился хозяину забегаловки, Касиму, одним из близким родственников, перечисление которых по именам обычно занимало около получаса. У нас седьмая вода на киселе, у них – родня. Обосновался – тяни родню. Таким макаром правоверные успешно решают демографическую проблему России. Если и дальше так пойдет, под завывание муллы спустят триколор и поднимут над Кремлем зеленое знамя ислама.

Через минуту Керим вернулся с четырьмя палками шашлыка, подогретого в микроволновке. В ожидании дорогих гостей, Кирия еще с вечера заботливо укомплектовал их из обедков застолья водил-дальнобойщиков.

Не успел Соловей проглотить первый, самый вожделенный кусок жареной свинины, противно-хрипло затрещала рация: «Седьмому, повторяю, седьмому, Бандитская разборка с огнестрелом в лесопарке на Пироговке. Два трупа. Вперед, Соловушка. Как понял?».

Личный состав просительно-вопросительно уставился на командира. А что он мог ответить, кроме: «Принято, выезжаем». До места злодейства домчались за три минуты, даже прихвальный шашлык дожевать не успели.

На обочине фура, у нее под хвостом жигуль пятнадцатой модели. В кустах перевернутый лимузин. Рядом пара мужиков-зевак. Еще издали разглядел на крышке багажника шильдик «S 600» и те же цифры в госномере. Внутри похолодело, под фуражкой вспотело, пониже спины зачесалось. Чего хихикаешь, тебя бы на его место. Это самый известный в городе аппарат, и принадлежит не какому-то занюханному члену или депутату, а авторитету Апостолу – смотрящему на районе, одному из последних истинных, реликтовых воров в законе.

Совладав с дрожью в коленках, выскочил из машины, на ходу расстегивая кобуру. Сержанты ринулись за начальником, с автоматами наизготовку. Узрев такой антураж, мужики плюхнулись мордой в землю, руки за голову.

Оценив ситуацию, Соловей обратился к мужикам, в спины которых уперлись стволы автоматов:

– Куда второй «жмур» подевался?

Мужик поздоровее, облаченный в майку, шорты, и шлепанцы на босу ногу, чуйка подсказала – водила фуры, ответил:

– Какой-то перец на черной Волге увез. Крикнул «вызывай мусоров» и укатил.

– Каких еще «мусоров»? – фальцетом заверещал Соловей, ткнув ботинком в бедро здорового.

– Откуда я знаю каких. У него спросите. Он сказал, я позвонил.

Дал отмашку сержантам, те закинули автоматы на плечо, отошли на пару шагов, Мужики, опасливо озираясь, встали.

Соловья отпустило, сыгравшее было очко успокоилось, мыслишки в голову полезли. Этот «убой» на всю страну прогремит. Телевидение, крутые журналюги, генерал, пожимающий руку майору Соловьеву. Рупь за сто – майору, куда денутся. Орден на грудь тоже не помешает, простреленное плечо... хрен с ним, стерплю.

В мозгу возникло видение – его фотография в парадном мундире, в майорских погонах, с рукой на перевязи и... с траурной лентой наискосок. Очнулся весь в поту, то ли от увиденного, а может от жары и недавней пробежки. Хрен вам, а не простреленное плечо и орден засуньте себе..., а майора вынь да положь!

Майорская звезда с неба не свалится, шустрить надо. Первое дело найти того хмыря на черной Волге и Апостола живого или мертвого, а там решим что делать. А вот наверх пока ни гу-гу, налетят стервятники, и останется Вова с голой попой снова. Рифма клевая, и велит информацию попридержать.

– Куда уехал хмырь на Волге? – Соловей, по отработанному перед зеркалом, сдвинул брови, впился грозным взглядом в дальнобойщика.

– Развернулся и туда – водила махнул рукой в сторону города.

По инструкции Соловей должен дожидаться опергруппы, но в этом случае его мигом отстранят от дела. Решил сыграть в полуправду. С чистой совестью сообщил дежурному все как есть, умолчав, что машина принадлежит Апостолу, а пропавший «полужмур», скорее всего сам Апостол.

Невзирая на отчаянные мольбы мужиков, приказал дожидаться оперативников. Оставив на месте одного из сержантов, двинул в ближайшую больницу. Как пить дать, туда хмырь на Волге повез Апостола.

Пересилив себя «бочонок» представился и перешел на «Вы»:

– Капитан ППС Соловьев – тут и ежу понятно, что ППС, а не убойный отдел и не ОМОН – Это Вы привезли Апостола?

– О котором из учеников Христа Вы говорите? Я с ними не знаком.

Ерничая, Леха малопочтительно взирал снизу вверх на типового представителя детородных членов МВД. Капитан едва не выпрыгнул из штанов. Лицо побагровело – точь в точь синьор Помидор из мультика про Чиполлино. Того гляди ногами затопает.

Соловья понесло, возомнил себя. По рации распорядился выставить охрану к раненному авторитету, сообщил о задержании подозреваемого. Теперь главное, чтобы следаки из убойного дело не перехватили, пока он этого хлюста до жопы не расколет. Где колоть? В УВД, в «пыточной», в наручниках, дубинкой в зубы, по ребрам, на пол и ногами, ногами...

«Допросная с пристрастием» располагалась в подвале. Голые, окрашенные синей краской, стены без окошка. Обитая железом дверь с засовом. Стол и стулья, прикрученные болтами к полу. В потолке зарешеченная лампа. Руки скованы наручниками ссади. В углу рта струйка крови. Прямо перед глазами, на столе, фуражка-авианосец и слепящая настольная лампа.

– Кто заказал Апостола? – удар дубинкой по столу.

– Куда дел оружие? – тычок дубинкой в зубы.

Так продолжалось уже минут десять. Капитан-бочонок спрашивал, Леха молчал. Разнообразило мизансцену лишь замена тычка дубинкой в зубы ударом по плечу или по спине.

Стук в дверь остановил занесенную руку... Защитник конституционных прав российских граждан, недовольно скривившись, осведомился:

– Кто?

Леха не разобрал ответа, но капитан, видимо, хорошо разобрал. Напялил фуражку, отодвинул засов, распахнул дверь и замер по стойке «смирно».

Вошел молодежавый, лет сорока пяти, милицейский полковник. В руке, скрученные в трубочку листки бумаги.

– Что происходит, капитан?

– Провожу допрос подозреваемого в покушении на убийство Апостола.

– Основания?

– Увез Апостола с места преступления, сопротивление при задержании, отказался назвать заказчика, не признается, куда спрятал оружие.

– А может он заказчик? Сам заказал, сам исполнил, сам в больницу отвез?

До Соловья дошла неприкрытая издевка полковника. Давно понял, что пустышку тянет, но закусил удила. Не признаваясь самому себе, мстил. Мстил за ущемленное самолюбие, тем самым признавая свою никудышность. Мстил за его молодость, рост, силу, за то, что Мужик, которого «девочки любят».

– Расстегни – полковник кивнул на Леху и покосился на дубинку, которую Соловей забыл притырить*.

Сел напротив, разложил и разгладил принесенные листы. Подождал, пока капитан снимал «браслеты», пока Леха разминал затекшие руки.

– Что с лицом?

– Поскользнулся, упал...

– Сколько раз? – вопрос был явно риторическим. Полковник не ждал ответа, Леха не ответил.

– Итак, посмотрим, что ты за фрукт... Павлов Алексей Владимирович, рождения 1980-й, отец ..., мать ..., образование ..., а это уже интересно: боксер, мастер спорта, спецназ ВДВ – оторвался от бумаги, взглянул на капитана.

– Говоришь, при задержании оказал сопротивление? – Соловей до жопы сморщился.

– Участник в Чечне, ранение, Орден мужества, дембель неделю тому...

Откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами. перевел взгляд на капитана. Желваки ходуном. Соловей понял, конец. За ним и раньше водилось, а теперь минимум звезду долой, а то и вчистую попрут.

– Заяву писать будешь?

– Никак нет, господин полковник.

– Почему «господин», это у вас в десантуре так заведено?

– В десанте от рядового до генерала товарищи. Господа ... – полковник не дал договорить:

– Пошли, опера, поди, вернулись, с ними побеседуешь.

К матери приехал за полночь. В накинутом на плечи платке, со скрещенными на груди руками ждала у калитки. Материнская доля – ждать сыновей.

Прошел месяц. Историю с Апостолом заслонили хлопоты по выцарапыванию боевых и наградных. Свои кровные, в прямом смысле кровью добытые деньги, оказалось, получить труднее, чем заслужить. Немало бойцов, избежавших смерти на поле брани, пали под катком военно-финансовой бюрократии.

Разбитые зубы и гематомы на ребрах зажили и рассосались, но осадок остался – до сих пор не выносил телесериалов про доблестную милицию. Кроме осадка, в дальнем закоулке подсознания теплилось что-то светлое и чистое – «видение» в коротеньком белом халатике. Леха ловил себя на мысли, что не помнит ее лица, боялся встретить на улице и не узнать. Подобно известному персонажу Куравлева – «готов признать, но только в белом халатике».

Чего греха таить, подумывал, под предлогом «проведать раненного», заглянуть в больницу, вдруг «видение» вновь явится. Подумывал сыграть в лоб, позвонить в регистратуру и, в стиле Мимино, объявить «Оксану хочу». Но дальше «подумываний» дело не шло.

В итоге все решилось само собой. В субботу, после обеда, позвонил вежливый мужчина и настойчиво, но не навязчиво, пригласил встретиться с известным ему человеком. Машина ждет у подъезда.

Леха не Сергей Зверев, собраться – только подпоясаться. Через пять минут рассекал на заднем сидении Гелендвагена – раза в два комфортнее, чем на отцовской Волге. Рядом «качок» в черном, обтягивающем костюме при галстуке. Два его клона спереди. Вопрос, куда они заныкали пистолеты? Ни в карманы, ни подмышку, ни за пояс – все в обтяжку. Может..., перевел взгляд на оное место, но и там все туго-натуго забито телесами.

Куда его везут, Леха не знал, к кому – догадывался. Не опасался и не комплексовал – когда еще сподобит покатасть с таким почетом и комфортом?

В элитном пригороде, мытищинской Барвихе, въехали во двор не хилого особняка. Описывать нет надобности. Смотрел фильм Next? Помнишь особняк авторитета Лавра? Этот точь в точь.

Апостола Леха признал без труда, хотя этот против того посвежее и улыбается. Авторитет восседал (сечешь разницу – «восседал, а не сидел») в кресле одного племени с парадным

троном Екатерины Великой. Высокая резная спинка, с резной же короной, аккуратно над головой сидящего. Львиные лапы вместо ножек. Львиные морды в подлокотниках. Слева от Апостола за барной стойкой человек с холуйской осанкой и белой салфеткой на согнутой руке.

Поручкались. Перстня в духе Вите Карлеоне у Апостола не было ни в прошлый раз, ни сегодня. В наличии пожухлая татушка на безымянном пальце – корона с расходящимися лучами. Так, наверно, надежнее – не потеряешь и не упрут. Присел в предложенное кресло напротив и довольно далеко от хозяина.

– Спаситель Апостола! Звучит?

Авторитет сделал пальцами жест, понятный лишь ему самому, и человеку с салфеткой на руке. Из пузатой квадратной бутылки человек налил что-то желто-коричневое в резные хрустальные бокалы с толстым дном. Подал на подносе, вначале гостю. Чокнулись «вприглядку», приподняв бокалы на уровень глаз.

Леха по жизни не пил. Изредка хорошее вино, На войне, бывало, спирт. Виски – первый раз. Слышал, что с ирландского переводится как «вода жизни». Так себе водичка, пованивает. Апостол был лаконичен:

– Не буду говорить, что я тебе обязан, это ежу понятно. Проси что хочешь, сделаю что смогу, я много могу.

Смотрел на Леху добрыми, улыбчивыми глазами, потягивая из бокала. Виски слегка ударило в голову. Апостол заморозил. Без знания человеческих душ, без умения нравиться, без умения манипулировать людьми в его кресле долго не усидишь. Сам прервал затянувшуюся паузу:

– Говори желание, Хоттабыч заждался.

Леха пожал плечами, он действительно не знал чего пожелать. Апостол опять сделал пальцами. Подошедший человек положил на подлокотник пузатенький конверт. Леха не инстинтутка из Смольного, без колебания принял. Не постеснялся заглянуть внутрь. Благодарность Апостола состояла из «зелени» и на порядок превышала выщарапанную намедни благодарность государства. Взглянул на приложенную визитку. Золотыми завитушками по белому: «Стольников Николай Дормидонтович. Продюсер». Три телефонных номера. Против нижнего жирная галочка фломастером.

Вошел один из эскорта в Гелендвагене, или их четвертый клон:

– Лепилу привезли.

Армейский жаргон отчасти совпадает с уголовным. Лепила это врач. Пора и честь знать. На прощание, по инициативе Апостола, снова поручкались. Уже в спину донеслась цитата из мультика «Жил был пес»:

– Ну, ты заходи, если что, – и добавил – тебя отвезут.

За дверью нос к носу столкнулся с Михаилом Матвеевичем. Пожимая протянутую руку, уперся взглядом поверх его аккуратной лысинки. «Видение» не мигая смотрело прямо в глаза. Глаза в глаза само по себе наполовину секс, осталось только чих-пых и поцеловать. А тут еще заметное изменение тональности взгляда, с прошлого, безапелляционно-победоносного, на обнадеживающий, снисходительно-разрешающий, будто говорящий: «если так приперло, можешь попытать счастья».

Отступил, освобождая дорогу, медицина скрылась в апартаментах Апостола. По пути на аудиенцию прихожую не рассмотрел, мысли были в другую сторону, да и эскорт давил с трех сторон. Теперь самое время. Не прихожая это вовсе – казино. На сотне квадратных метров размещались рулетка, бильярд, полдюжины круглых картежных столов и обязательный атрибут игорного заведения – барная стойка.

Два эскортных клона тусили за карточным столом. Один, со знанием дела, с оттяжкой, лупил другого по носу полуколодой карт, громко отсчитывая – восемь, девять, десять...

На «двенадцать» экзекуция закончилась и оба заготовали. Третий клон, вышедший вместе с Лехой, предложил:

– Поехали, братан. Нет времени, после тебя еще Гиппократов развозить.

– А ты нас одним рейсом раскидай. Я подожду, мне не к спеху.

Очевидную выгоду озвученного меморандума исполнительная сторона осознала в момент. Замумукали эти моталки туда-сюда. На одну меньше, уже хлеб. Полуобняв и улыбаясь, качок потащил Леху к барной стойке.

– Замочим знакомство!

Восхищаясь Лехиным благородством, не мог предположить, что он и есть главный выгодополучатель.

В процессе разлива все того же виски, подошла «сладкая парочка» картежников. Покрасневший нос одного из них указывал, кто есть кто. «Красный нос» подставил бокал под виски, экзекутор налил минералки. Наверно водила, сообразил Леха.

В обратный путь эскорт не поехал, только водила. Матвейч, по старшинству, узурпировал переднее сидение. Леха с белым халатиком ссади.

Оксана, держась на пионерском расстоянии, вполоборота, с улыбкой Джоконды, хотя куда там флорентийской купчихе, выжидательно смотрела на воздыхателя.

– Что Вы делаете сегодня вечером? – ничего более банального и глупого Леха не придумал.

– Дежурю, до завтрашнего утра, потом до обеда отдых – в ответе явно присутствовал намек на свободный вечер воскресенья.

Перешел на язык выпускников МГИМО:

– Позвольте Вас пригласить завтра вечером на культурно-развлекательную программу. Театр, ресторан, или...

Что стояло за «или» до сих пор не известно. Оксана оборвала:

– Театр... Большой, потом ресторан... Метрополь, чтобы далеко не ходить – и рассмеялась своей удачной шутке.

Леху озадачило и вмиг отпустило. Вспомнил про того, который «много может», и улыбнулся в ответ. Без особых хлопот добыл номер телефона веселой барышни. Пообещал позвонить завтра после обеда, распрощался и вышел у салона сотовой связи.

Когда уходил в армию, сотовые телефоны были редкостью. Теперь почитай у каждого второго, глядишь, вскорости появятся у первоклашек и бомжей. Даже зять, баклан, и тот при мобиле. На даче гарцует с ним, сеть ловит, которой там отродясь не бывало. Не нужна ему сеть и связь. Нужна зависть в глазах соседей. А для «поговорить» есть стационарный аппарат, поставленный отцом еще в советские времена.

Получив боевые и наградные, Леха считал себя богатым, а нынешний конверт вознес его на один уровень с арабскими шейхами. Пора мобилой обзавестись.

В салоне три продавца и два покупателя – Леха и невзрачная девица в драных джинсах. Выбрал три крутых телефона-раскладушки Sony, себе, маме и сестре. Пусть зятек обзавидует. На круг обошлось около тысячи баксов, но «зеленые» к оплате не приняли. Засунул их взад, в смысле в конверт, и отправился в обменник, здесь же, за углом. Обменял на «деревянные» две тысячи баксов, чтобы с запасом и маме на хозяйство. Конверт даже поправился, рубль, по объему, оказался полновеснее доллара.

Расплатился за телефоны, активизировал симки. В качестве подарка оптовому покупателю, магазин положил по сотне на каждый телефон. Пустячок, а приятно.

Весело помахивая фирменным пакетом с телефонами и напевая свою любимую «Хорошо живёт на свете Винни Пух...» направился домой. Если дворами, то совсем рядом, не более десяти минут.

Шурави, натаскивая пацанов, постоянно твердил о необходимости выращивать на затылке «третий глаз». На вопрос, что это такое отвечал коротко – чуйка опасности. Ее надо уметь ощущать не только глазами и ушами, но и носом, как собака, кончиками усов, как крыса, языком и кожей, как змея. Леха вырастил «третий глаз». Войдя в подворотню, чуйка сработала, Не мог объяснить как, но сработала.

Резко, уклонившись вперед-вправо, развернулся. Полуметровый кусок арматурины, для приличия обмотанный газеткой, просвистел в сантиметре от левого уха, чиркнул по плечу, перебил ручку пакета. По инерции нападавший согнулся в поясе и замахнулся для удара снизу. Леха оказался в левосторонней стойке, противник на убойной дистанции под левый хук. Его и выполнил, в челюсть. Вложился по полной. Кулаком ощутил хруст ломаемых костей – полгода кушать бульон через трубочку. Кандидат в пациенты челюстно-лицевой хирургии замертво свалился под ноги напарнику, арматура загремела по асфальту.

Напарник оказался крепким, смелым и не умным. В сложившейся ситуации два выхода, сдаться или драпать. Видел же, что Леха сотворил с его подельником, точно придурок. Так и есть – боксер. Парень принял стойку и зашаркал ногами, неумело имитируя «шаффл» – скользящий шаг. Маленькие, почти без отрыва от земли шажки: левая вперед, правая вперед, правая назад, левая назад. Явный недоучка, не выше второго разряда. В легкой атлетике или в шахматах второразрядник может без особых последствий потягаться с мастером. В боксе это, как правило, имеет печальный конец.

Опустив руки, Леха обошел поверженного врага, на шаг приблизился к шаркающему ножками. Поняв, что его шаффл супостата не убедил и не напугал, парень перешел на «челнок» – перепрыгивая на носках на несколько сантиметров вперед, назад, по диагонали, пытаюсь дезориентировать врага и выйти на ударную позицию.

Стал в сойку, для разминки пара уклонов, шаг вперед, нырок и джеб* в зубы. Парень, закрыв лицо кулаками, плюхнулся на колени. Леха не стал открывать счет, подобрал пакет и удалился восвояси.

В мозгу свербило – с какого перепуга эти ухари на него напали, чего хотели? Напрашивалось единственное – отобрать подарок Апостола. А если так, откуда узнали про его тугую мошну, кто навел? Челядь Апостола? Исключено. Кто еще мог знать? Ему и в голову не пришло, что сам виноват, дважды засветил лопатник*, в магазине и в обменнике.

Повезло, матери дома не было, наверно в магазин пошла. Успеет до ее прихода починить многострадальный левый кулак. Челюсть одного и зубы второго раскровянили три костяшки. Маникюрными ножницами обстриг поврежденную шкуру, промыл перекисью, залепил пластырем. Может, не заметит, а заметит, не спросит, а спросит, чего-нибудь сокру, чай не впервой. Главное отвлечь ее внимание, например мобильником и деньгой на хозяйство.

С рубашкой хуже. И что интересно, на плече царапина, а рукав в клочья. Здесь пластырь не поможет. Рубаху жалко, совсем новая, мама купила на прошлой неделе. Под диван, вечером выкину. Завтра пойдем в магазин, мама любит мне шмотки покупать, накупим рубах, она и не хватится, может быть.

Теперь за дело. Из кармана джинсов вытащил конверт. Надо бы барсетку прикупить и кошель, а то нефертикультяписто получается, деньги по карманам ныкать. Отсчитал десять тысяч матери на хозяйство. Где взял? К наградным, добавили. Догнали и добавили. Сверху положил две коробочки с телефонами – маме и сестре.

Достал визитку Апостола, вбил в телефон номер помеченный галочкой. Задумался над именем контакта. Кликуху Апостол светить не хотел, мало ли в ментовку загребут, контакты проверят. Нужное имя обнаружил в визитке – «Дормидонтович». Оно и полезно – отчество не забуду. Конверт спрятал в нижний ящик отцовского письменного стола. У мамы не было привычки по чужим столам лазить, а в папин тем более.

Возбудив в себе прилив невиданной и неслыханной наглости, позвонил Апостолу. Ответил незнакомый голос:

– Слушаю Вас внимательно.

– Можно Николая Дормидонтовича?

И как это язык повернулся, сколько его учили, что «можно козу на возу», а по телефону говори «попросите, позовите» и так далее, с непременно «пожалуйста». Был же случай. Звонил на работу своей знакомой, и на вопрос «Можно Наташу?», получил исчерпывающий ответ ее сослуживца «Не знаю, не пробовал». На этот раз обошлось. Голос лишь поинтересовался:

– Кто спрашивает?

– Алексей Павлов.

Ждал не более минуты.

– Рад тебя слышать, Леша – по интонации казалось и впрямь рад его звонку.

– Николай Дормидонтович, у меня к Вам просьба ... – Апостол прервал:

– Леша, дорогой, ты язык об мое отчество не сломал? Давай договоримся, я для тебя просто Апостол, так и обращайся, и будь добр не выкатать. В кругу моих друзей это не принято. Извини, что перебил.

Леша замялся. Обращаться на «ты» к человеку втрое старше..., однако можно избежать личных местоимений. С трудом выдавил:

– Мне нужно на завтра два билета в Большой театр, а потом столик на двоих в Метрополе.

Очень нужно.

Апостол хмыкнул, помолчал, видимо обдумывал просьбу:

– Леша, печенкой чую, ты мельтешишь ради той крали, которая мне всю задницу исколола. Скажи, что не угадал.

– Угадали ... в смысле угадал.

– А чо, деваха роскошная, ради такой стоит вписаться. С Метрополем проблем нет, хоть неделю не вылезай. С Большим сложнее. В падлу тебе галерку предлагать, а на хорошие места времени в обрез, но я постараюсь. Сегодня вечером, тебе позвонят. Помнишь, как Самоцветы пели – «Надейся и жди». Будь здоров, и не пропадай.

Леша облегченно выдохнул. В прихожей щелкнул замок входной двери. Мама вернулась, вовремя. Встретил, отобрал сумки с продуктами, отнес на кухню. Попенял матери:

– Куда ты такие сумки набиваешь. Купи чего полегче, а тяжести я принесу.

– Мама улыбнулась:

– Как же, тебя допросишься. Без меня неделю будешь пустые макароны лопать, а в магазин, чтобы Пушкин ходил. Леша, он не на ходу, бронзовый и в Москве.

Приятно удивилась Лехиным подаркам. На вопрос «откуда», не стал врать, что «догнали и добавили», рассказал все как есть, умолчал лишь про допрос в ментовке. Мать была в смятении. Брать воровские деньги не вязалось с ее принципами, но сын не сделал ничего плохого, наоборот, поступил честно и благородно, как воспитывала. В конце концов, не она виновата, что пенсию ей платят отчасти из налогов воров-олигархов. Вынесла вердикт – деньги честные и Леше они нужны, надо мальчика приодеть и... женить.

Для Ольги Николаевны женитьба сына представлялась ключевой задачей текущего момента. Подруги и знакомые все уши прожужжали предложениями потенциальных невесток. Она сама держала на примете пару хорошеньких, воспитанных, чистых девочек (сделай скидку на ее менталитет, сформировавшийся, в эпоху, когда девочки не пили, не курили, не беременели в девятом классе). Успеть бы его внучков понянчить, Но как об этом заговорить с Лешей?

Известию, что сын собрался завтра в Большой театр, да еще с девушкой, обрадовалась не меньше его возвращению из армии. Тут же всплеснула руками:

– В чем ты собираешься идти в театр?

Костюм, который купили год назад, по случаю окончания института, одеванный единой, сегодня сидел на нем как шкура на барабане папуаса, того гляди лопнет. Ни грамма жира, а килограммчиков шесть-восемь армия добавила.

– Неужто в этих джинсах?

Положа руку на сердце, ничего зазорного Леха в этом не видел, но не стал перечить.

С выбором одежды сроду проблем не было. Ширпотреб от «Большевички» или «Valenti», китайского производства, сидел на нем ничуть не хуже, чем по спецзаказу от «Christian Dior» на члене правительства.

К единственному в городе фирменному магазину мужской одежды подкатили на Волге. Леха не принимал участия в выборе, а его никто и не спрашивал, только надевал и снимал. После дюжины примерок, мама и две девушки-продавщицы, единогласно выбрали темно-синий костюм какой-то супер-пупер фирмы. Полдюжины рубашек и галстуков довели уровень Лехино гардероба до элитарного.

Как обещал Апостол, вечером позвонили. Вначале метрдотель ресторана Метрополь подтвердил заказ столика на двоих в Каминном зале. Ближе к одиннадцати позвонил некто, поинтересовался гнусавым и картавым голосом:

– Вас устроят два билета во втором ряду партера, в серединке?

Устроят.

– Завтра в полседьмого, на лестнице, у левой колонны, я Вас узнаю. – И положил трубку.

Про цены в элитных ресторанах краем уха слышал и был готов. Про цены на билеты у театральных жучков понятия не имел. А этот гнусавый трубку бросил. Леха не жмот, при сегодняшних капиталах готов платить, не торгуясь, но хотелось бы знать сколько.

Утром в воскресенье мама вдруг засобиралась на дачу. Накопилась куча важных и неотложных дел. При этом несколько раз повторила, что раньше чем через неделю не вернется. Лехе в голову не пришел ее тайный замысел – освободить для сына квартиру на случай, если у него с девушкой сладится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.